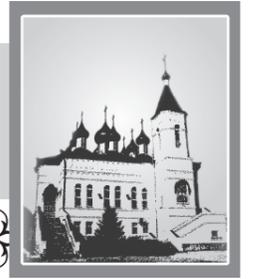

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

В прошлой беседе разговор шел о Боге, о том, зачем человеку задаваться вопросами о Нем. А кто такой человек? Для чего он сотворен Богом? И какова главная задача его жизни?

Слово пастыря

На вопрос о задаче жизни человека ответить просто: Царство Небесное. С вопросом: кто такой человек? – все сложнее.

У Гавриила Романовича Державина есть ода «Бог», в которой он попытался поэтически дать свой ответ – а по сути ответ церковный – на вопрос: кто мы такие и зачем мы здесь? Он пишет, обращаясь к Богу:

Где кончил тварей Ты телесных,
Где начал Ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной...

Вот что такое, прежде всего, человек: он является связующим звеном всего мироздания. Так Сам Господь захотел, так Он сделал. И так и есть: человек соединяет собой мир видимый и мир невидимый.

Потому что человек – существо, живущее одновременно в двух мирах. Он живет в мире мыслей и идей, в мире молитв, в мире нравственности, которые не пощупаешь пальцами, – и при этом он живет в совершенно конкретном трехмерном мире, в котором есть верх и низ, право и лево. И он живет во времени. Но умом своим он вне времени, и сердцем вне времени живет. Об этом известный пассаж Державина: «Я царь – я раб – я червь – я Бог». Я – все, я соединяю в себе несовместимое, я велик и ничтожен.

Но откуда я, «столь чудесен», взялся? Отколе произошел? – безвестен; А сам собой я быть не мог. Твое создание я, Создатель, Твоей премудрости я тварь, Источник жизни, благо податель, Душа души моей и царь. Ты есть, Ты создал меня, а значит – есть и я. Державин обрушивает атеистическую логику, потому что атеистическая логика говорит: я есть, и я придумываю богов. Нет! Ты, Господи, есть, а значит – есть и я. Коль есть Ты, то есть и человек.

Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! – в бессмертие твое.

Человек – это парадоксальное бытие. Мы о человеке можем говорить только в парадоксе. Это непонятный сам себе персонаж. Это вечная загадка для самого себя. Действительно, кто я: просто животное или я – царь животных? Или я вообще не отсюда, но почему-то здесь. Это вечная проблема. На человека и нужно смотреть как на про-

блему – прежде всего для самого человека, как на персонаж, сам себя оценивающий, – и как на некое общепланетарное явление.

Он любим, потому что он последний, и он любим, потому что именно он связывает собой невидимое и видимое. И ангельское существование – родное нам, потому мы и поем псалмы, поем «Аллилуйя» и говорим: «Свят Господь Саваоф» – точно так же, как серафимы и херувимы.

Но и животное всякое тоже понятно нам, потому что они – живородящие и млекопитающие или просто любящие жизнь, плавающие в водах, летающие в воздухе... Мы всех их тоже можем понять, мы можем кричать с утками по-утиному, плавать с рыбами по-дельфиньи...

Мы можем в силе ума летать в воздухе при помощи самолетов, мы можем молиться с ангелами на Литургии... Мы можем все. Притом что человек – самое слабое животное, если смотреть на него как на часть мира животных. Он очень долго превращается в самостоятельного деятеля жизни. Жеребенок, родившись от кобылы, тут же на ножки встает. Он слабый, падет, но уже ходит и ищет вымя. А ребенок пока пойдет, сколько бессонных ночей у его колыбели проведет мать! Он самый слабый. Он не видит еще ничего, он не разговаривает, он еще ничего не понимает... И у него нет ни панциря, ни когтей, ни рогов, ни копыт, ни крыльев – ничего. Он – самое слабое существо в мире.

И вместе с тем он – хозяин мира. Выходит, что слабость – залог его власти над миром, и мы видим, что все слушаются человека. Большой буйвол позволяет собой править. Умный конь с мудрыми глазами и серьезнейшими мышцами смиряется под седоком. Корова дает нам молоко, собака служит нам зубами, овца – шерстью, пчела – жалом и медом. Мы подчинили себе мир, потому что Бог однажды сказал нам это. Он сказал, что мы, люди, должны жить в этом мире, управлять им и царствовать над ним. Мы это и делаем.

Человек – царь, но он слабый царь. Слабый до тех пор, пока он полагается на собственные силы, и очень сильный, когда он с Богом. Интересно, что в шахматной игре самая слабая фигура – это король. Но мат королю – это конец шахматной партии. Убийство короля – это конец, хотя король – самая невоинственная фигура на шахматной доске. Там есть слоны, офицеры, пешки, кони – они воюют, стратегии разные разрабатывают. Самая серьезная фигура – королева, она вообще творит, что хочет. А король – самый слабый, но его поражение

обязан по долгу службы встречаться и общаться с верховным Раввином, и с верховным Муфтием, что не угрожает переходу ни в иудаизм, ни в мусульманство. Он должен встречаться и с политиками разных рангов, президентами, царями, наследниками на престол. Это его обязанность, он должен разговаривать, вести диалог.

Откуда берутся слухи и сплетни? Кто сказал им, что будет какое-то соединение с унией? Откуда вообще это берется? У нас есть более серьезные проблемы – блуд, наркотики, аборт, безбожие. Из миллиона крещеных людей причащаются 3-4 процента! Но, как только мы начинаем делать что-нибудь нормальное, откуда-то возникает ограниченная группа людей, нахлещающих непонятные речевки. В такое время нужно ревновать о православии.

Будьте серьезными, Патриарх обязан со всеми разговаривать, не просто должен, а обязан! И разговор между иерархами избавляет мир от жесточайших столкновений. Иногда даже телефонный разговор может спасти человечество от ядерной войны. Мы должны понимать, что «люди начинают драться только тогда, когда им больше нечего сказать».

Протоиерей Андрей Ткачев

является окончанием партии и полной сдачей. Вот человек и является таким слабым королем, физически слабым, но притом умственно очень сильным, который заставляет овцу отдать нам шерсть, собаку – служить нам зубами, коня – служить нам мышцами, который весь мир вокруг себя закручивает в соответствии со сказанным: «Ты – царь мира, царствуй здесь! Царствуй и хозяйничай. Ты имеешь Мой образ, а Я – Царь, следовательно, и ты – царь. Царь этого видимого мира. Командуй им, управляй им».

Это любимое существо, в котором соединяются более нигде не соединимые вещи, – духовное и телесное; в котором гармонично воплощены растительная жизнь, вегетативная и духовная. Растительная – это волосы и ногти: их режешь – не больно, это некая растительность, лишённая чувствительности. Жизнь вегетативная проявляется в том, что человек должен питаться, расти, распространяться; при этом он – совершенное млекопитающее, он должен знать своих родных, питаться грудью, рожать потомство... И человек одновременно – ангел, дух. Он может молиться, он может пренебречь физикой ради духовного, ради пневматики. В нем есть все. Он может быть и растением, и деревом, баобабом. Отчасти правы индусы, потому что, действительно, можешь быть, чем хочешь. Можешь быть камнем, деревом, бизоном, свиньей, ангелом, звездой, бриллиантом, куском грязи... Человек все в себе соединяет. Это микрокосмос.

И Господь любит его. Господь сделал некую ставку на человека. Господь не просто любит нас, как творение Свое. Он любит и Себя в нас, потому что Он отобразился в нас. «Себя во мне изображает, / как Солнце в малой капле вод», – пишет Державин. Но Он поставил на нас еще и большую ставку, потому что мы должны оправдать Его имя перед Вселенной, перед любым живым существом. Мы должны посрамить диавола. Вот Книга Иова. Иов не просто страдающий праведник, это точка, в которой сошлись все силовые поля духовной брани. «Видел ли ты раба моего Иова? Нет такого на земле, праведного, богобоязненного, удаляющегося от зла» (ср.: Иов 2, 3). Таким должен быть каждый человек.

Человек, знающий Бога, удаляющийся от зла, посрамляющий диавола, претерпевающий все, прославляющий Бога и входящий в вечность, – это человек по замыслу Божию. Вот такой должен быть человек. А мы просто еще не знаем, кто мы такие. Как святитель Иоанн Богослов осторожно говорит: «Дети, мы еще не знаем, кем будем. Мы знаем только, что мы увидим Его, какой Он есть». Мы еще не знаем, кто мы есть и кем мы будем. Действительно, мы – загадка для себя самих. И расцвет психологии, на-

пример, или антропологической философии связан с тем, что человек неисчерпаем. Гораздо интереснее общаться с человеком, чем со звездами. С человеком, а не с глубинами морскими. С человеком, а не с ветрами, штормами. Потому что в мире все замкнуто на человека. Что ты подумаешь – то и будет. Как ты скажешь – так и произойдет. Как ты согрешишь – будет вот так вот. Помолишься – будет вот так вот. Мы же на святых это видим. Видим, как отступает стихия, как преклоняются животные перед человеком. То есть святые – это некое снятие шторы перед тем, каким должен быть человек. Человек не должен быть таким, каким мы его видим. Наш собеседник, спутник, современник в транспорте, на улице, в телевизоре – он не такой, каким он должен быть. Человек должен быть другим. И Церковь говорит нам: это не человек еще, это – некая возможность человека. Ведь и рождается человек не как «готовый продукт», а как возможность.

Если человека после рождения изъять из семьи, из человеческого общения, он вырастет не таким, как его родители. Родился в семье русских людей мальчик, мы его забрали от родителей и поселили в семью индусов, где будут на хинди разговаривать, – он русского языка вовеки не узнает, он будет на хинди с детства говорить. Если мы отдадим его в армянскую семью, он будет армянским ребенком. Он воспитается в тех понятиях, языковых принципах и жизненных традициях, которые мы ему навяжем. А если мы его заберем от людей и поселим, например, к обезьянам? Он на каком языке будет разговаривать? Ни на каком. Если до трех лет человек не услышит человеческой речи, а будет жить с обезьянами, волками, собаками, с кем угодно... – он будет чесать ногой за ухом, есть с пола, перевернув миску, выть на луну и ни на одном языке не будет разговаривать. То есть человек – это не факт, это возможность. Родившийся ребенок – это еще не человек. Это – возможность человека. И нужно еще воспитать человека.

Нужно не просто зачать и родить, нужно еще сделать человека, дать ему понятия добра и зла, привить навыки речевые, социальной адаптации, научить его трудиться, зарабатывать, уважать труд и так далее.

Итак, человек – это благословенная великая загадка, открытая Богу, и даже Ему, мне кажется, очень интересно, что с нами происходит. Мы – не решенное и не законченное явление. Мы – явление со знаком вопроса, и в зависимости от того, знаем ли мы Бога или не знаем, мы развиваемся в совершенно разные стороны. Вот так можно говорить о человеке в современном мире.

Протоиерей Андрей Ткачев

Как относиться к встрече Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Папы Римского Франциска?

Недавно Святейший Патриарх Кирилл встречался с папой Римским Франциском. Сразу начались разговоры, непонятные сплетни. Расскажу вам одну вещь, которую много раз встречал в жизни людей. Перед тем как подражаться, многие начинают предварительно вступать в словесную перепалку. И первым начинает драку тот, кому больше нечего сказать, нападает на того, кто еще может говорить. Выходит интересное откровение: «Люди начинают драться только тогда, когда им больше нечего сказать».

Если говорить о Папе и Патриархе, нужно понимать, что между нами висит свинцовое облако недоразумений, недоверия и исторических неправд, доставшееся нам в наследство. Все это копилось столетиями, это свинцовое облако отсутствия диалога. Но это не означает, что мы должны простирать его в будущее. Нам нужно разговаривать. Папа – со своей стороны, а Святейший – как первоиерарх Русской Православной Церкви, самой влиятельной, самой большой Церкви в мире. Как предстоятель, Патриарх

Вопросы священнику

обязан по долгу службы встречаться и общаться с верховным Раввином, и с верховным Муфтием, что не угрожает переходу ни в иудаизм, ни в мусульманство. Он должен встречаться и с политиками разных рангов, президентами, царями, наследниками на престол. Это его обязанность, он должен разговаривать, вести диалог.

Новости Православия

21.02.2016. В Грузии будет восстановлен монастырский комплекс прп. Давида Гареджийского. Комплекс включает в себя сотни келий, церквей, часовен, трапезных и жилых помещений, размещенных на обрывах скал.

22.02.2016. Правительством Египта закрыло 50 коптских церквей из-за «угрозы безопасности». Церкви были закрыты, чтобы не «провоцировать» на агрессию местные мусульманские общины, которые тщательно следят за тем, чтобы существующие церкви не ремонтировались, не расширялись и чтобы не строились новые, поскольку это запрещено законом. Любые подобные попытки вызывают агрессию по отношению к христианам.

23.02.2016. Православная Церковь сохраняет за собой самый высокий уровень доверия в Молдавии. Наиболее высоким уровнем доверия у населения Молдавии обладают Православная Церковь, местные органы власти и средства массовой информации – в той или иной степени им доверяют соответственно 77%, 56% и 45%.

24.02.2016. На западе Украины подожгли храм Украинской Православной Церкви. Поджог храма в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали» был совершен в городе Николаев Львовской области Украины. В результате была существенно повреждена центральная часть храмовой постройки и сгорела часть трапезной.

24.02.2016. Святейший Патриарх Кирилл планирует посетить Афон в мае. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл собирается посетить Афон в мае этого года по случаю торжеств, связанных с 1000-летием русского присутствия на Святой горе. Как сообщил глава патриаршей пресс-службы священник Александр Волков, поездка Патриарха на Афон и на Крит, где состоится Всеправославный Собор, совпадать не будет.

« Райские хутора » и другие рассказы священника Ярослава Шилова

Продолжение. Начало в № 20 (308)

— Трое призывников, и ни один не содился, — разговаривала она отрывисто и торопливо. — Из отцовского поколения — все мужчины деревни ушли на войну... Из моего поколения — все парни служили в армии... Некоторые даже — на флоте... А теперь мы уже не дадим защитников Родине... Остались одни дурачки... Таких и за трактор посадить нельзя, не то что доверить оружие... А кого они нарожают?... Если нарожают, конечно... Говорю брату: батюшка придет, хоть сына-то окрестил бы... Он чуть ли не с кулаками на меня набросился... Хотя столбики и крест сам делал... За воду, правда... Но креститься, говорит, и за воду не буду... И сына не дал крестить... Николину часовню, между прочим, брат и спалил... Когда пришли столбик вкапывать, думала, хоть какие-то чувства в нем зашевелиются... А он — словно колода бездушная... Вообще-то у нас все некрещенные... Разве что старушка одна... Да и я крестилась совсем недавно... В Москве...

Спросил, кто она по профессии: где ж, думаю, можно разговаривать таким диковинным образом?

— Начальник смены на телеграфе... А до этого много лет работала телеграфисткой-телефонисткой, — и без перехода начала рассказывать о плане восстановления часовен: где раздобыть лес, тес, кровельное железо, у кого заказать иконы...

Я уже не успевал принимать телеграммы и потому решился переключить аппарат:

— У нас на сегодня еще какие-нибудь планы есть?

— Освятить дом... Пообедать... А потом шофер отвезет вас...

— Он хоть дождется?

— Конечно... Сосед... Дальний родственник... В кинопрокате работает... Машину ему на весь день дали...

И пошли мы освящать ее хоромину: это был пятый подряд молебен — язык у меня стал заплетаться. Бродили, бродили — по комнатам, коридорам, чуланам, кладовкам, закутам, клетушкам и опустевшим хлевам, счет которым давно потерялся; торопыга то подталкивала меня с одной лестницы на другую, то забегала вперед, чтобы отворить дверь...

— И последнее, — объявила она, — сеновал...

Перед нами открылось пространство таких необычных размеров, что я сразу заглянул в ковшик — хватил ли святой водицы для окропления. Перехватив мой взгляд, она молниеносно телеграфировала:

— У меня есть... Крещенская... Сейчас принесу... Только стойте на месте... Не уходите никуда, — и убежала.

Это был старинный северный сеновал с широченными воротами для взвоза — наклонного помоста, по которому лошадь могла взвезти сюда — на второй этаж — телегу или сани. Здесь гужевого транспорт и разворачивался.

Наполнив ковшик, я обошел с кропилом выметенный сеновал — лишь в одном уголке лежал клочок пересохшей травы, кошенной, вероятно, еще родителями хозяйки.

— Стадион: для футбола, может, и маловат, а волейбольная площадка — как раз поместится, и зрителям места хватит.

— Когда-то здесь и взаправду был стадион, — улыбаясь она. — Отец летом на косилке работал, приносил зайчат — ма-аленьких... Мы с братом выкармливали их, — мне показалось, что она стала говорить спокойнее и мягче, — к зиме они вырастали и устраивали гонки: по стенам, потолку — ну, по кровле... Дом был крыт еловыми досками, вот они по этим доскам — снизу, изнутри — и носились... Ушками вниз... Смешно... Жили они свободно — могли и во двор выскакать, но зимой далеко не бегали... Так, по огороду: весь снег перебалламутят, — и опять в дом... А весной — уходили... Сначала на день, на два, а потом — навсегда... Летом пойдешь в лес по грибы или по ягоды, встретишь зайчишку какого-нибудь: он замрет и уставится на тебя... А ты думаешь: может, это твой выкормыш?... Они ведь почти ручными становились — даже погладить себя иногда разрешали... Скотина к ним относилась нормально... Собачка у нас была — спокойная такая: вообще внимания не обращала... Кошка только... Спит где-нибудь, а они носятся да и налетят на нее... Случайно или нарочно — не знаю... Кошка заррет — и за ними, да разве утонишься?... С зайчатками этими все детство прошло: и мое, и братино... А теперь вот не всегда поздороваться снизойдет... Особенно после того, как я окрестилась

и стала в церковь ходить... Если бы еще только он... Мы с вами целый день по деревне да вокруг нее шастаем... Хотя бы одного человека заметили?... То-то и оно: все попрятались... Креста боются... И дома — в Москве — у меня то же самое: никто в церковь не ходит... Беда!.. Что я должна сделать, чтобы помочь им, чтобы спасти?... Батюшка, который меня крестил, говорит, что Господь нынче дал каждой русской семье, ну — фамилии, роду, по одному верующему... Это, говорит, как после кораблекрушения: бултыхаются люди в океане небольшими такими... кучками... Батюшка как-то покрасивее говорил, но я слово забыла... И вдруг одному из каждой кучки дается лодка... И все могут спастись — места хватит... Он протягивает им руки... Но они отворачиваются и знай себе плюхаются ладошками по волнам: мол, сами выплывем... Вот так батюшка говорит... А вы что на это скажете?..

Я сказал, что батюшка, пожалуй, прав.

— Но тогда человек, который в лодке, ну, который уверовал, будет держать ответ за них на Страшном Суде?... Понятно, что прежде всего спросится с тех, кто отказался спастись... Но если этот, в лодке, работу свою будет делать неважно?... Как вы полагаете?... А у меня ничего не получается... Бьюсь, бьюсь — никакого толку...

— Да не терзайтесь, — говорю, — все идет нормально, и в свой срок с Божьей помощью то, что должно получиться, получится.

Тут она стала перебирать разные человеческие недостатки, пытаюсь определить, который из них более прочих мешает ей в благом деле лодочного спасательства.

— Веслами, — говорю, — сильно махать не надо, а то утопающие пугаются, да и по голове запросто можно угодить. — Она почему-то обрадовалась этому наставлению, и мы наконец пошли обедать.

Потом я ехал домой и думал, что московский батюшка — молодец: оберегая неокрепшую душу новообращенной, он не стал раскрывать дальнейшие перспективы морского сюжета. Между тем сдается, что они довольно определенны: коли уж в этих лодках места хватает для всех, то новых плавсредств может не оказаться. И когда легкий бриз унесет все суденышки за край видимого горизонта, не останется никого, кто мог бы протянуть руку тонущему и удержать его. Возможно, лодочки эти — наша последняя надежда, последний шанс.

Елизавета

В начале двадцатого века местные мужички дерзновенно поползли вверх по речушкам и ручейкам до самых истоков. Корчевали лес, строили избы, засеивали полоски земли. Народилось зерно — потребовались мельницы, накопилось хлеба — стали появляться дороги, а на дорогах — постоянные дворы, кухни и конюшни... Незаселенными остались только болота. Да и то, если среди болота была открытая вода, на берегах селился какой-нибудь угрюмый бобыль, промышлявший рыбалкой. Эпоха сельскохозяйственного романтизма, запечатлевшая на себе имя Петра Столыпина, продолжалась недолго: впоследствии ее достижения были заботливо разорены и стерты из памяти.

В нашем краю один хуторишко остался. Реликтовый. Было в нем четыре двора и четверо жителей — родственники друг дружке. Несколько раз я навещивался туда, чтобы причастить Елизавету, тоже, кстати, реликтовую: душа ее чудесным образом сохранила отсветы прежнего воспитания...

Елизавете было семьдесят лет, однако называть ее бабкой было никак невозможно, и прежде всего потому, что она, в отличие от деревенских старух, прямо держала спину.

— Ты, Елизавета, ступаешь, словно боярышня! — говорил ей районный глава, заехавший как-то по рыжички.

— Разве что с прототрядом, — отвечала она.

— Это она так шутит, — пояснили местные жители.

В сорок первом году семнадцатилетняя Елизавета работала на строительстве оборонительных сооружений, попала под обстрел, получила осколочное ранение и, провалявшись по госпиталю, обрела величественную осанку. Отец ее вскоре погиб на фронте, мать, разрываясь между борьбой за трудодни и обихаживанием искалеченной дочери, тоже протянула недолго. И осталась Елизавета одна. Но как-то приновилась — целую жизнь прожила. При том, что спина совсем не гнулась: ни — дров наколоть, ни — грядку вскопать, ни даже гриб сорвать невозможно.

С ней было легко разговаривать: она читала Иоанна Златоуста и хорошо понимала сущность духовных битв. Но утешительнее всего было слушать ее рассуждения по всяким житейским поводам.

Как-то заедем с председателем колхоза. Поездковал я Елизавету, причастил, выходим на крыльцо, а председатель

обсуждает с шофером что-то животрепещущее...

— Зачем ругаешься? — спрашивает его Елизавета.

— Без этого на Руси нельзя — первое дело! — и разводит руками.

— Не русское это дело, — вздыхает Елизавета. — Когда человек молится, он верит, что каждое его слово услышат и поймут...

— Ну, — растерянно улыбается председатель.

— А если над нашей землей мат-перемат висит?... Богородица позатыкает уши, а мы будем удивляться, что страна — в дерьме...

— Ну ты еще скажи, что ранешние мужики не матерились!

— Редко, — говорит Елизавета. — Это все от кожаных курток пошло: от комиссаров да уполномоченных разных — от нерусских... Знаешь, как Христос в Писании называется?... Бог Слово!.. И за каждое сказанное слово нам с тобой на Страшном Суде ответ держать придется. Вот они и поганят и пакостят слова наши...

— Может, мужики раньше и вина не пили? — встревает шофер.

— Питье — не грех, грех — опивство... Пили. Но каждый вечер надобно молитвы читать... Со всей семьей... И чтоб язык во рту проворачивался... Отец раз на вечернюю молитву не попал — уснул пьяный. В воскресенье пошел на исповедь, а батюшка его к причастию не допускает: все причащаются, а он стоит в стороне — то-то позору было! Целый год, наверное, корил себя да перед нами винился...

В другой раз меня привез сюда здешний церковный староста. Был он в неважном расположении духа, поскольку занятий бесприбыльных не любил, и как только звали меня причащать болящих, глаза его наполнялись печалью...

День был жаркий, вода в радиаторе подвыкипела, и староста решил долить.

— Чего-то у вас колодец стал вроде еще глубже, — пожаловался он.

— Так ведрами-то по дну бьем, он и углубляется, — отвечала Елизавета.

Староста задумался, а потом тихо спросил меня:

— Шутит, что ли?..

— Ты чего на приход сунулся? — поинтересовалась Елизавета.

— Церкву восстанавливать...

— Большой в тебе подарок русскому Православию. Вы, батюшка, не знаете, как у нас его кличут?... Прождохой...

— Далеко не все! — возразил староста.

— Да, только половина района. А остальные — проходимцем. Но те и другие между собой не спорят — оба именования ему к лицу.

— Вот вы все на меня ругаетесь, а я всю жизнь тружусь — ты знаешь. И не кем-нибудь, а бригадиром! С послевоенных времен — в колхозе, на стройке... Ни праздников, ни выходных — на курорт в первый раз только перед пенсией поехал...

— Вот и зря, что без праздников, — тихо сказала Елизавета.

— Это в каком смысле?

— Ты тут иконочками торговал — Казанской Божией Матери...

— Они и сейчас при мне — могу продать, — и полез в портфель.

— Угомонись. Я тебе одну историю расскажу... Как-то пришла летняя Казанская, а по-новому это — двадцать первое июля, на воскресенье. И поутру весь народ на покосы отправился...

— Двадцать первого? А чего так поздно-то?... Ворошить разве... Или метать...

— Идут они, а навстречу им — Богородица: мол, почему, мужики, мимо храма идете? Они объясняют: сенокос, спешим — боимся дождя, рук не хватает... А Она: «Ступайте в храм славить воскресение Моего Сына, а Я вам Свои руки отдам»...

Послушались они — вернулись на воскресную службу, а уж сена в тот год заготовили — до сих пор коровы едят...

— Когда это было? — спросил староста. — В какой деревне?

— Давно, еще отец рассказывал...

Он наконец достал пачку бумажных иконок:

— И правда: рук нету — отдала... Так ты будешь брать-то? Недорого...

— Да у меня есть — еще дедова... Деда моего тоже в старости долго уговаривали. Отказался. «Сейчас, — говорит, — я в одном кармане в храм несусь, а то, не приведи Господи, в двух карманах из храма поволоку».

На обратном пути он вдруг вспомнил:

— А ее, между прочим, тоже как-то чудно прозывали... Непнущаяся, что ли?... Или — несибаемая?... Во, точно: несибаемая Елизавета.

Продолжение следует

Отметник

Когда авва Аммой ходил в церковь, то не позволял ученику своему идти возле себя, а приказывал следовать издали. Если ученик приближался, чтобы спросить о чем-либо, Аммой, дав ответ, немедленно отсылал от себя, говоря: «Не позволяй тебе оставаться близ меня по той причине, чтобы в беседу нашу о душевной пользе не вкралось праздное слово».

* * *

Однажды авва Аммон пошел к авве Антонию. Они занялись беседою о душевной пользе. После беседы авва Антоний предсказал Аммону, что тот преуспеет в страхе Божию.

Приознесьи это пророчество, Антоний вывел Аммона из кельи и, показав на камень, сказал: «Нанеси оскорбление этому камню и ударь его». Аммон сделал это. Тогда авва Антоний спросил его: «Дал ли тебе какой ответ, оказал ли тебе какое противодействие этот камень?» Аммон отвечал: «Нет». — «Так и ты, — сказал ему авва Антоний, — достигнешь в подобную меру безстрастия».

Пророчество аввы Антония впоследствии исполнилось.

* * *

Однажды авва Виссарион шел со своим учеником по морскому берегу. Ученик почувствовал большую жажду и сказал авве Виссариону: «Отец, меня очень томит жажда». Старец, помолившись, сказал ему: «Напейся из моря». Морская вода сделалась пресною, и тот ею утолил свою жажду. Но, напившись, он налил воды в сосуд из предосторожности, чтобы иметь при себе воду, если снова начнет чувствовать жажду.

Старец, увидев это, спросил: «Для чего ты сделал это?» Тот ответил: «Прости меня! Я сделал это из опасения, что мне опять захочется пить». Тогда старец заметил: «Как здесь — Бог, так и везде — Бог».

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор — настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: <http://pokrovka-tiras.narod.ru/>

Православный календарь

28 фев., вс. — Неделя о блудном сыне. Ап. от 70-ти Онисима. Прп. Пафнутия, затворника Печерского, в Дальних пещерах. Прп. Евсевия, пустытника Сирийского.

29 фев., пн. — Мчч. Памфила пресвитера, Валента диакона, Павла, Порфирия, Селевкия, Феодула, Иулиана, Самуила, Илии, Даниила, Иеремии, Исаии. Свт. Макария митр. Московского и Коломенского. Мчч. Персидских в Мартирополе. Прп. Маруфа, еп. Месопотамского.

1 мар., вт. — Вмч. Феодора Тирона. Сщмч. Ермогена, патриарха Московского и всея России, чудотворца. Прп. Варнавы Гефсиманского, Радонежского. Прав. Мариамны, сестры ап. Филиппа. Прп. Феодора молчаливого, Печерского. Мц. Анны.

2 мар., ср. — Свт. Льва, папы Римского. Свт. Агапита исп., еп. Синадского. Свт. Флавиана исп., патриарха Цареградского. Прп. Космы Яхромского. Прп. Владимира исповедника.

3 мар., чт. — Апп. От 70-ти Архиппа и Филимона и мц. равноап. Аппии. Прп. Феодора Санакарского. Мчч. Максима, Феодота, Исихия, мц. Асклиподоты. Мч. Димитрия.

4 мар., пт. — Прп. Льва, еп. Катанского. Прмч. Корнилия Псково-Печерского. Прп. Агафона Печерского, в Дальних пещерах. Сщмч. Садока (Шах-Дуста), еп. Персидского, и с ним 128-ми мучеников. Блгв. кн. Ярослава Мудрого. Прп. Агафона, Папы Римского.

5 мар., сб. — Суббота мясопустная. Вселенская родительская суббота. Прп. Тимофея, иже в Символах. Свт. Евстафия, архиеп. Антиохийского. Козельщанской иконы Божией Матери. Свт. Георгия, еп. Амастридского. Сщмчч. Константина пресвитера, Павла диакона.

Набор и верстка — на оборудовании редакции. Отпечатано в полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем — 1 печатный лист. Тираж — 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!